

V. ПРОБЛЕМЫ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

УДК 94(470)

Т.А. Шеметова

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ТРАНЗИТНОЙ ТОРГОВЛИ ЧАЕМ С КИТАЙСКОЙ ПРОВИНЦИЕЙ СИНЬЦЗЯН В СЕРЕДИНЕ 20-х гг. XX ВЕКА

Основное внимание акцентируется на проблемах и перспективах восстановления транзитной торговли чаем СССР с китайской провинцией Синьцзян в середине 20-х гг. XX в.. Освещается позиция по данному вопросу заинтересованных структур в СССР, купчества и властей китайской провинции Синьцзян.

Ключевые слова: СССР, Синьцзян, транзит чая.

Одним из наименее изученных вопросов внешнеэкономической деятельности Советской России, а затем Советского Союза в центральноазиатском регионе в 20–30-х гг. XX в. является проблема становления и развития торговых связей с крупнейшей китайской провинцией – Синьцзян. В дореволюционный период царская Россия в торговле с Синьцзяном использовала самые разные формы и методы. В частности, для того чтобы сбалансировать товарооборот, применялись реэкспорт и транзит через российскую территорию ряда товаров. В числе этих товаров значительное место занимал чай. Следует отметить особое значение этого продукта в провинции, где он «... заменял суп и являлся одним из основных видов питания» [1. Л. 122а]. Всестороннего освещения вопроса торговых операций с чаем в работах отечественных исследователей до настоящего времени не получил. Между тем анализ выявленных источников показывает, что контроль над поставками чая на рынки Синьцзяна являлся значимым рычагом влияния на экономику и политику провинции. Транзит чая через территорию советского государства мог способствовать процессу возврата утраченных после революции и Гражданской войны торгово-экономических и политических позиций России в провинции.

До начала Первой мировой войны Россия полностью обеспечивала потребность Синьцзяна в чае как за счет собственных поставок, так и за счет транзита из внутреннего Китая (стоимость транзитного чая в 1913 г. составляла 700000 руб.) [2. Л. 23]. Импорт чая через российскую территорию был экономически выгоден синьцзянскому купчеству, многие представители которого являлись подданными Российского государства. Это объяснялось тем, что разница в его себестоимости в сравнении с доставкой гужевым транспортом из

южных и центральных провинций по территории Китая получалась достаточно значительной. По данным источников, лишь на одном ящике чая торговцы получали 21 рубль прибыли. Столь высокая разница и прибыль обеспечивали им монополию на чайную торговлю [1. Л. 111]. В условиях войны с 1914 г. торговля России с Синьцзяном стала постепенно сворачиваться и к 1919 г., с закрытием русско-китайской границы, практически прекратилась.

Торговая составляющая провинции стала переходить в руки иностранных фирм и китайских купцов, которые ранее по вышеназванным причинам не могли конкурировать с купцами – российскими подданными. Прежде всего, это коснулось торговли мануфактурой, пушниной и чаем. Следует отметить, что китайские купцы достаточно оперативно воспользовались сложившейся обстановкой и стали, несмотря на большие издержки, активнее завозить в Синьцзян чай с Востока, используя по-прежнему за неимением другого гужевой транспорт. В начале 1924 г. власти провинции попытались получить льготы в транзите чая, используя для этой цели завершающую фазу советско-синьцзянских переговоров о заключении Временного торгового соглашения. Однако особенно активно этот вопрос стал подниматься синьцзянской стороной после подписания в мае 1924 г. договора между СССР и Китаем о восстановлении дипломатических отношений. Предложения и ходатайства относительно возобновления транзита поступали советскому правительству от местных купцов регулярно. Дело в том, что, несмотря на высокие таможенные пошлины, сохранение монополии на торговлю чаем в руках исключительно китайских граждан и правом провоза его только из Китая, чай ввозился в провинцию Кирвнешторгом в обмен на сырье путем незаконных манипуляций

(например, чай направлялся под видом другого товара, хотя пошлина за него бралась как за чай).

Даже незначительные транзитные поставки чая в Синьцзян через СССР привели к падению на него цен с 4 до 2 лан за кирпич, что «сильно встревожило торгующих чаем китайских купцов» [3. Л. 117]. В увеличении ввоза чая из Китая через свою территорию был заинтересован и Советский Союз. Нехватка этого товара в Среднеазиатских республиках активизировала такое негативное явление, как контрабанда, и определяла зависимость от поставок английского чая [3. Л. 319, 337]. В то же время инициатива китайской стороны вызвала неоднозначную реакцию как со стороны советских органов власти, так и со стороны некоторых китайских купцов – граждан СССР, занимавшихся ранее транзитными поставками в провинцию. Дебаты по данному вопросу, проходившие на разных уровнях с января по май 1925 г., показали отсутствие у них общей позиции. Объяснялось это несовершенством законодательства, постоянно меняющейся торговой политикой Советского государства, отсутствием «декретирования в отношении чьей-либо монополии» на «завоз чая из Китая». Хотя фактически чаеоторговля входила в прерогативу Чаеуправления и Центросоюза, они не справлялись с поставленной задачей из-за недостатка финансирования и аналитического опыта у сотрудников соответствующих структур, особенно в прогнозах перспектив [1. Л. 363].

Советский Союз только начинал возвращать утраченные позиции, находясь в постоянном поиске эффективных форм и методов торгово-экономических отношений с Синьцзяном, учитывая изменения, произошедшие в провинции за годы революции и Гражданской войны в СССР. На этом этапе в соответствующие органы власти поступали довольно противоречивые, а порой и взаимоисключающие друг друга предложения. Основными участниками дискуссии были представители Российско-Восточной Торговой Палаты, Народных Комиссариатов по иностранным делам и внешней торговле, Главного экономического управления, консул в Синьцзяне А.Е. Быстров, а также ряд заинтересованных торговых организаций. В конечном счёте, большая часть из них высказалась за возобновление транзита чая. Сохранявшиеся расхождения во мнениях относились к следующим вопросам: 1) насколько экономически целесообразно будет разрешение транзита чая в целом; 2) кому предоставлять право транзита: только купцам – китайским подданным, гражданам СССР или акционерным обществам; 3) обязательности коммерческой выгоды поставок чая

в Синьцзян и использование его для товарообмена на местное сырьё, как это практиковалось в первой половине 20-х гг. XX в. советскими торговыми организациями. Также необходимо было просчитать не только экономические, но и политические последствия предпринимаемых шагов в плане дальнейшего сближения с властями провинции.

Вопрос предоставления транзита чая через территорию СССР купцам – подданным Китая и создания акционерного общества поднял чугучакский купец, подданный СССР, К. Ботвин [4. Л. 191]. Он являлся противником предоставления права на транзит чая китайцам. Проанализировав сложившееся к середине 20-х гг. положение с чайной торговлей в Синьцзяне, К. Ботвин пришел к выводу о негативных последствиях для экономики СССР передачи права транзита чая китайскими подданным [1. Л. 362]. В докладной записке на имя консула СССР в Тарбагатае А.Е. Быстрова он писал: «...если китайцам будет разрешен транзитный ввоз чая в Синьцзян через Советский Союз, то западно-китайский чайный рынок будет для советских хозорганов потерян» [1. Л. 362]. В связи с тем, что чай, особенно кирпичный, служил в Синьцзяне главным товарообменным продуктом (преимущественно среди кочевого населения), то шерсть и другое сырьё советским хозорганам пришлось бы, по мнению автора записки, «...получать от перекупщиков по более высоким ценам, чем сейчас», в результате чего разрешение транзита привело бы к повышению цен на некоторые виды сырья, необходимые для советской промышленности [1. Л. 364]. В целях предотвращения развития подобного сценария К. Ботвин предлагал отказать китайским купцам в транзите. Далее он предлагал разрешить этот вид деятельности исключительно «русским торговым организациям» и «ему организовать в Чугучаке чайную торговлю при участии Чаеуправления, взнос 60% оборотного капитала» [1. Л. 364].

Консул СССР в Чугучаке поддержал купца, мотивировав свою позицию заинтересованностью СССР в экспорте чая, который, по его мнению, являлся «...для нас при неоформленности и неустойчивости валютной системы в Западном Китае, одной из основных валют для наших заготовок сырья и кроме того и выгодной статьей сбыта» [3. Л. 52об]. Данная позиция была доведена до сведения Наркома иностранных дел Г.В. Чичерина, а затем с его пометками отправлена на рассмотрение Замнаркомвнешторга М.И. Фрумкину и представителям других заинтересованных структур. Полученные ответы были неоднозначны. Выяснилось, что советские торговые организации, вво-

жившие чай в Синьцзян, действительно использовали его в порядке товарообмена на сырье, а не в качестве коммерческого товара. Однако его поставки в рассматриваемый период были незначительными: «...наше снабжение кирпичным чаем Синьцзяна ... составляло не более 15% всей потребности провинции» в этом продукте и не может радикальным образом повлиять на цены, на сырье [1. Л. 372].

Доказывалось, что при всех преимуществах транзита чая через территорию СССР «до самого последнего времени мы были мало заинтересованы в самой торговле кирпичным чаем в Западном Китае» как товаром из-за небольшой коммерческой выгоды. По существующему в Синьцзяне закону монопольное право торговли чаем в провинции предоставлялось только китайским подданным при условии ввоза его с Востока. На ввозимый через советскую территорию чай дуцзюном провинции были установлены высокие пошлины. Кроме того, оговаривалось условие его реализации. Цена на рынках провинции должна была быть не ниже «цен на чай, идущий с Востока» [1. Л. 364]. Установленные китайской стороной правила торговли ликвидировали все преимущества его транспортировки через территорию СССР. Рост коммерческого интереса в торговле чаем был бы возможен только в случае отменены установленной пошлины. Учитывая это обстоятельство, а также тот факт, что собственного кирпичного чая Советское государство практически не производило, приобретая его на золотую валюту в Китае, предлагалось в транзите этого продукта отказать.

Подвергалось корректировке и заявление чугучакского купца о возможной потере СССР чайного рынка Синьцзяна. Однако большинство организаций, высказавшихся по вопросам транзита, и организации акционерного общества занимали, как отмечалось выше, более гибкую позицию. Представители Главного экономического управления ВСНХ СССР полагали, что в интересах упрощения экономического положения в Синьцзяне, которое неразрывно связано с поддержанием лояльных отношений как с местными властями, так и с купечеством, «возможно и допустить транзит в Западный Китай кирпичного чая через территорию СССР ... в 35000 пуд.» [1. Л. 372]. Фиксированный контингент (лимит) для транзита кирпичного чая, по их мнению, был нужен для того, чтобы не допустить осложнений «на заготовительной работе наших организаций в Синьцзяне» [1. Л. 372].

Что касалось предложения об организации смешанного общества с участием К. Ботвина, то

ГЭУ ВСНХ СССР посчитало его нецелесообразным. Предоставление монопольного права транзита одному лицу или обществу вызвало бы недовольство со стороны местных властей и купечества и в результате не принесло бы Советскому Союзу коммерческой выгоды. Кроме того, нарушался бы принцип советской торговой политики. Ведущий сотрудник одного из наркоматов М. Андреев выступал за разрешение транзита чая через территорию СССР в Чугучак. В своей докладной записке он писал, опираясь на дореволюционный опыт торговли с Чугучаком, что «чай рассматривался нашими купцами только как выгодная статья торговли» [1. Л. 369]. Далее Андреев задавался вопросом: «...думаем ли мы действительно взять на себя снабжение Чугучака чаем и насколько это может представлять коммерческий интерес для нас» [1. Л. 369]. С одной стороны, он подвергал сомнению финансовые возможности советской чаепромышленности, которая из-за недостатка денежных средств была не в состоянии вести широкие заготовки чая даже для собственных нужд. «Поэтому, – писал Андреев, – едва ли мы можем говорить о солидном и нормальном транзите чаев в Чугучак» [1. Л. 369].

«С другой стороны, – подчёркивал автор, – СССР не должен совершенно отказываться от мысли взять в свои руки транзит чаев в Западный Китай и, в частности, в Чугучак» [1. Л. 369]. Но так как в рассматриваемый период это сделать было невозможно, то, исходя из экономической целесообразности, Андреев считал возможным разрешить транзит китайского чая через территорию Советского Союза в Синьцзян. В политическом плане для урегулирования этой проблемы он предлагал «...не обострять наших отношений и с местными синьцзянскими властями и с местным китайским купечеством», а создавать условия для взаимной заинтересованности и привлечения их симпатий к Советскому Союзу [1. Л. 367]. Для этого он предлагал учредить советско-китайское акционерное общество, пайщиками которого могли стать китайские купцы, а при благоприятном развитии событий и власти провинции в лице местного даоиня или даже самого дуцзюна. Негласное участие китайских сановников «в разного рода предприятиях» было обычным делом для провинции [1. Л. 369]. По мнению Андреева, совместное акционерное общество было бы более выгодным не только в экономическом, но и политическом плане, нежели подобное с участием только купца К. Ботвина.

Следует отметить, что вопрос о чае не стоял особняком, а являлся одной из форм реализации

советских торговых интересов в Синьцзяне. Поэтому его разрешение на основе взаимных интересов с китайской стороной дало бы возможность продвижения на рынки провинции других товаров и изделий советской промышленности. В этом смысле предложения М. Андреева были вполне логичными и перспективными. При всей слабости местного производства оно, хотя медленно, но набирало обороты, создавая вполне реальную угрозу потери для СССР рынков провинции по сбыту ряда товаров [5. Л. 89]. В свою очередь, урегулирование торговли чаем в Синьцзяне могло бы привести к росту доверия к СССР как торговому партнеру и в дальнейшем способствовало сближению именно с теми группами китайских купцов, которые непосредственно были связаны с Китаем и являлись держателями местного сырья.

Свою точку зрения по вопросу о транзите кирпичного чая в Синьцзян через территорию СССР высказали и представители Российско-Восточной торговой палаты (далее РВТП). В целом, присоединяясь к мнению о необходимости разрешения транзита кирпичного чая через советскую границу, представители РВТП оспаривали количество чая, разрешенного для транзита. Детализируя выгоды этого транзита для СССР, руководители РВТП считали необходимым указать на особо позитивные экономические последствия: увеличение нагрузки сибирских железных дорог, выгоду акционерных обществ «Транспорт», «Доброфлот», «Совторгфлот» (по линии его дальневосточных рейсов). Подчеркивалось и возможное получение Советским Союзом в порядке компенсации ряда преимуществ и льгот для хозорганов со стороны синьцзянских властей, в том числе расширение экспорта. Кроме того, указывалось на повышение престижа СССР на рынках Западного Китая, рассматривались потери при отказе в транзите чая как одного из каналов получения валюты.

Что касалось предложения ГЭУ ВСНХ СССР по поводу возможности разрешения транзита не более 35000 пудов, то представители РВТП считали его ошибочным, «преуменьшением емкости западно-китайского рынка в отношении чая и установлением контингента в 35000 пудов ... можно свести на нет все предыдущие соображения» [1. Л. 122]. Конечно, этот вопрос требовал осторожного подхода, так как при избытке чая на рынках Синьцзяна возникала угроза обратного его ввоза в Среднеазиатские республики контрабандным путем, что могло «вредно отразиться на нашей внутренней чаеоторговле» [1. Л. 122]. В то же время установление лимита негативно отразилось бы на работе тех советских организаций, которые могли,

как предполагал в своей записке М. Андреев, принять участие в транзите чая наравне с китайскими купцами. Поэтому представители РВТП предлагали отказаться от ограничения размера чая, вывозимого в Синьцзян, до выяснения количества потребляемого в провинции чая. Что касалось предложения К. Ботвина о создании отдельных частных фирм и о запрете транзита чая, то торговая палата первое его предложение не поддержала. На второе были приведены следующие контраргументы: во-первых, операции по закупке сырья в Чугучаке были незначительные, во-вторых, советские хозорганы работали на рынках Синьцзяна вне плана и сами создавали друг другу конкуренцию, отсюда повышение цен, в-третьих, кирпичный чай, которым хозорганы оперировали как валютой, оплачивался золотом при импорте его из Китая.

В итоге был сделан вывод о выгоде установления свободы транзита китайского чая в Синьцзян через территорию СССР. Было принято решение о создании «нормального или смешанного типа, но не по линии принятия предложений отдельных частных фирм вроде сделанного гр. Ботвиным нашему консулу в Чугучаке» [1. Л. 122]. Центральный чайный совет также выступил за разрешение транзита и создание совместного с китайцами акционерного общества. Что касалось количества разрешаемого транзита, то была поддержана идея представителей РВТП исходить при его определении из емкости Синьцзянского рынка, а значит, от числа проживавшего в провинции населения [3. Л. 83]. После ознакомления с докладной запиской Центральный чайный совет и его рабочая комиссия на своих заседаниях приняли решение о целесообразности создания смешанного акционерного общества.

В итоге большинство заинтересованных организаций высказывалось за положительное решение вопроса о предоставлении транзита чая из Китая через территорию СССР и создании смешанного акционерного общества. В согласии китайцев на данное предложение можно было не сомневаться, так как они хорошо знали о выгоде фрахта при доставке чая по советским железным дорогам и сами настойчиво добивались у Советского Союза разрешения на его транзит. Однако реализовать на практике вопрос о транзите чая и создание Акционерного общества в первой половине 1925 г. не удалось в связи с обострением политической ситуации в регионе в мае 1925 г. Дуцзюном провинции в одностороннем порядке была закрыта граница с СССР в некоторых округах для въезда «советских граждан» и установлен окончательный запрет на ввоз чая в Синьцзян всем советским тор-

говым организациям [3. Л. 118]. Таким образом, реанимировать транзит чая как один из рычагов влияния на укрепление своих торгово-экономических и политических позиций в синьцзянской провинции в рассматриваемый период не удалось. Дискуссии по этому вопросу как среди соответствующих структур в СССР, так и среди представителей китайской стороны продолжились впоследствии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Российский государственный архив экономики* (РГАЭ). Ф. 635. Оп. 3. Д. 14.
2. *Российский государственный архив социально-политической истории* (РГАСПИ). Ф. 514. Оп. 1. Д. 670.
3. *РГАЭ*. Ф. 413. Оп. 3. Д. 1959.
4. *РГАЭ*. Ф. 635. Оп. 3. Д. 62.
5. *РГАЭ*. Ф. 413. Оп. 3. Д. 1956.